

Н.К. Матросова

ПАРАДИГМА ЦЕЛОСТНОСТИ В ПРЕЛОМЛЕНИИ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

Исследование выполнено по гранту № 18-011-01171 «Феномен квалитативизма в междисциплинарных исследованиях: история и современность».

Рассмотрены положения нетрадиционной логики, разработанные в учениях Н.А. Васильева, Ф.И. Щербатского, И.И. Лапшина, Л. Заде. Отмечена значимость идей неопределенности, вероятностного мышления, «качественных понятий» и лингвистических переменных, присутствующая в работах указанных авторов. Приведенный материал позволяет расширить представления о целостности бытия, связывая их как с «чистым» сознанием, так и с выходом за его пределы.

Ключевые слова: целостность; воображаемая логика; качественные понятия; культура Востока; противоречие; онтология.

Интенцию целостности мы встречаем во многих исследованиях, призванных отразить качественно-целостные состояния предметностей мира и преодолеть подход, акцентирующий исключительность квантитативных познавательных приемов, утвердившийся с Нового времени в европейском сознании.

В современных исследованиях все более настойчивой становится мысль о признании глубинной связи между объектом и логико-методологическим приемом, призванным выявить специфику именно данного предмета анализа. Исследователи приходят к необходимости построения разных логических методов для разных областей знания. «Если считать, что специфика предметной области определяет особенности методов исследования, и допускать возможность понимания логики как метода, то ничто не может воспрепятствовать построению разных логических методов для разных областей исследования. Разумеется, классические стандарты <...> могут в определенных сочетаниях соблюдаться или не соблюдаться для конкретных областей. Специфичность логического аппарата приобретает за счет фундаментального изменения основных логических законов и введения некоторых дополнительных принципов, которые оттеняют особенности данной предметной области» [1. С. 142–143].

Многие исследователи отмечали утрату целостного видения мира, однако притягательность его гармоничного и полнокровного восприятия остается. Один из вариантов осмысления целостности бытия мы находим в логических исследованиях XX в., связанных с именами отечественных и зарубежных мыслителей. Известно, что период классической и, в определенной мере, неклассической науки был отмечен бурным развитием классификационно-калькулирующих приемов познания, провозглашением бинарной системы мышления. Механицизм, сформировавшийся в классической науке, рождал статистические приемы анализа, которые, в свою очередь, стимулировали формирование системного подхода. Результатом явилась разработка понятия функции, понятия баланса, теории вероятностей, теории рядов. Это и укрепляло, и расширяло квантитативную стратегию анализа. К концу XIX в. отдельные положения математического знания оказались, с одной стороны, утраченными (создание

неевклидовой геометрии) и, в то же время, происходила разработка новых понятий (понятие множества как новое осмысление бесконечного). Все это ставило задачу логико-аксиоматического обоснования новых положений, рождаемых динамикой научного познания. При этом утверждение новой рациональности не отменяло, а порой усиливало желание преодолеть сковывающие рамки логической нормативности. Это стимулировало поиски логических идей, призванных отразить новое видение бытия, что, в свою очередь, приводило к признанию зависимости учений логики от субстанциональной принадлежности, подтверждая правомерность дегерминации познания природой объекта.

В исследованиях начала XX в. появляются логические работы, далекие от строгости и достоверности, предъявляемой к рациональному знанию и апеллирующие к далеко не общепринятым положениям. Предтечей ряда оригинальных положений логики был отечественный исследователь, представитель казанской научной школы Н. А. Васильев (1880–1940). В первой четверти XX в. им были разработаны новые положения логики, получившей название паранепротиворечивой [2]. Пафосом работ Васильева стала неправомерность абсолютизации законов формальной логики: «...есть абсолютные логические истины, но не все логические истины абсолютны» [Там же. С. 96]. Классическая логика, полагал Васильев, подходит к противоречиям слишком прямолинейно. (Не случайно он отмечал несостоятельность позиции Э. Гуссерля, утверждавшего неизменность положений логики.) Васильев отмечал, что формально-логическое мышление влечет за собой подразделение и анализ, которые ведут по дороге двойственности. Он справедливо полагал, что бинарная парадигма превращает мир в совокупность парных отношений, где каждая оппозиция вольно или невольно оказывается демонстрацией одномерного мышления. Калькулирующее, создающее интеллектуальные конструкции сознание, нацеленное на подсчет и измерение, формирует разделяющее знание аристотелевского типа. Анализируя законы аристотелевой логики, исследователь указывал на то, что «эмпирические и реальные законы говорят о действительном, но противоположное им всегда мыслимо» [2. С. 68]. Васильев придерживался взгляда, основанного на том, что формальная логика обра-

щена к конкретным вещам и объектам. Однако существует мир мыслей и суждений, в котором, полагал Васильев, закон противоречия, как один из важнейших законов формальной логики, не обладает абсолютной силой. Дуальное мышление в этом случае оказывается в стороне. Мышление, по мысли Васильева, свободно от подчинения закону противоречия, ибо мы в состоянии мыслить, (именно мыслить!) не опираясь на указанный закон. Такого рода мышление приводит, как пишет Васильев, к логике, названной им воображаемой, к логике, связанной с нашим сознанием, с безграничными возможностями нашего мышления. Подлинным метафизическим познанием бытия является, по мысли исследователя, познание вне условий опыта и потому воображаемая логика (еще одно название, которое дает ей Васильев – маталогика) это, прежде всего, логика понятий, логика чистой мысли, отстраненная от эмпирии. Исследователи не случайно отмечают лишь мнимое разрешение противоречий, свойственное нашему сознанию. «Уничтожение противоречий чаще всего является только их перемещением...» [3. С. 183].

Н.А. Васильев раздвигает рамки традиционной логики, утвердившейся в западном мире и, апеллируя к логике мысли, взывает к положениям, отстраненным от реалий материального мира. Отметим, что паранепротиворечивая логика затрагивает вопрос организации знания, нацеленного на отражение в нем полноты и целостности бытия. Строго говоря, указанные положения не новы. Мы находим их в духовной культуре Востока. Известно, что для мышления Востока характерен отказ от разграничения, очерчивания, разделения явлений мира. Ведущим оказывается признание континуальности мышления, восприятие явлений мира в неразрывной целостности. В духовной культуре Востока подход к описанию окружающего мира предполагает выражение одних явлений через другие, констатацию равноправных отношений между ними, что ведет к параллельному объяснению, в то время как западный научный подход склонен использовать вертикальное логическое умозаключение и дискурсивное мышление. Мир в представлении мыслителей Востока не распадается на отдельные части, предметы и явления и потому говорить о реальности значит, в первую очередь, признавать ее целостность и нерасчлененность. Представители восточных учений придерживаются взгляда об отсутствии границ у предметов и явлений. По их мнению, если предметы и имеют границы, то не по самой своей природе, а лишь в человеческом описании, в языковых ярлыках, одеваемых на реальность. В силу этого, в частности, они констатировали признание Буддой абсолютной реальности нирваны и конвенциональной реальности мира явлений.

Положения воображаемой логики Васильева, признающей возможность отстранения от привязанности к материальному миру и, тем самым, к тискам одномерного мышления, созвучны идеям его старшего современника Ф.И. Щербатского (1866–1942) [4]. Щербатский был знатоком культуры Востока, в том числе буддистской логики, которая довольно низко оценивала «рацию», делая акцент на интуитивное по-

знание, способствующее осознанию целостности мира. Отметим, что культура Востока наделена активным излучением. Так, уже в XXI в. положение об обусловленности мышления не только законами логики, но и эмоцией, интуицией, воображением, высказанное в буддийской логике, мы встречаем у лауреата Нобелевской премии за 2002 г. Д. Канемана. Щербатский отмечал, что мыслители Востока не склонны опираться на классическую европейскую логику и идеи рационализма как на некие фундаментальные механизмы, способные привести к безошибочному осмыслению окружающего мира. Существует иная логика, логика, связанная с глубинным сознанием, характеризующаяся континуальностью и неразделимой целостностью. Не случайно Щербатского интересовало учение Э. Гуссерля, направленное на выделение «чистого сознания», сознания, отстраненного от материальных предметностей мира [5]. Характеризуя мышление Востока, Щербатский указывал на то, что кроме раздирающих противоположностей аристотелевской логики, истин «да» и «нет», определяющих сознание европейца, есть еще и третья истина, истина гармонии и полноты, принятая в буддистской логике. Буддистская логика отторгает субъектно-объектные отношения, не являющиеся подлинной реальностью мира. В отличие от формальной логики она способна сводить несоединимые состояния сознания, что во многом близко индифферентной логике Васильева. Оба мыслителя указывали на мобильность сознания, осмысливающего бытие, на возможность расширения его границ в зависимости от области приложения. Щербатский, как и Васильев, также отмечал границы законов формальной логики: «Противоречие, следовательно, всегда лежит в предикате, в качествах, а не в элементе чистого бытия» [6. С. 265–266], которое по мысли Щербатского, может быть уподоблено кантовской вещи в себе, к которой закон противоречия неприменим. Вот как он пишет: «...буддистов занимал вопрос о том, подчинено ли так же и чистое бытие закону противоречия... Чистое бытие противопоставляется мышлению и, следовательно, не может быть подчинено его законам. Но только такие представления подчинены закону противоречия, которые имеют реальный субстрат. Представления, не имеющие реального субстрата, т.е. представления сверхчувственные, не подчиняются этому закону» [Там же. С. 264]. Сказанное – попытка соотнести предмет и познавательный прием, отыскать их адекватное единство, указать на наличие противоречий как принадлежности реального мира, но способность их гармоничного разрешения в мире чистой логики, в сфере сознания. «Представления, построенные мышлением, не содержат сами по себе никакого бытия, они могут быть и не быть, смотря по тому поставлены они в связь с чувственным элементом, или нет» [Там же. С. 265].

Положение о затруднительности переноса законов формальной логики на определённые положения сознания мы встречаем у еще одного отечественного мыслителя – И.И. Лапшина (1870–1952). Как и Щербатский, Лапшин отмечал: «...для нас остается неизвестным, применимы ли формы познания к вещам в себе...» [7. С. 161] и потому он полагал неправомер-

ным перенос закона противоречия на «вещи в себе», ибо этот закон принадлежит исключительно явлениям материального мира. Все три мыслителя разделяли положение о принадлежности логического противоречия, прежде всего миру конкретных вещей, но не сфере мышления, сфере чистой логики, в которой возможна коррекция противоречий и их объединение в неразрывное целое, отражающее подлинную целостность бытия. Применимость закона противоречия, полагали они, ограничена материальным миром, но не миром чистого сознания, в котором допустима и мыслима гармония противоречий. Исследователи подчеркивают зависимость законов мышления и форм познания от области их применения. И в работе Васильева, и в исследованиях Щербатского и Лапшина мы встречаем положение о признании за законами мышления онтологического статуса, их зависимости от предмета приложения. Как и мыслители Востока, они отмечают, что признание подвижности бытия не может не приводить к мобильности осмысливающего его сознания. Однако это вовсе не зачеркивает признание целостности бытия, которое мы теряем при обращении к аналитическим суждениям, дробящим и рассекающим мир.

В книге Лапшина «Законы мышления и формы познания» не может не привлечь внимания рассмотрение им так называемых качественных, объемно неопределенных понятий. Эти понятия не даны нам в созерцании, но мы можем мыслить их, они присутствуют в нашем сознании. Указанные понятия – мир мыслимого, потому Лапшин отмечает сложность их осмысления с позиций логики. Положения логики корректируются в приложениях к «качественным понятиям». «Легче было открыть законы геометрии, чем законы, управляющие качественными понятиями...» [7. С. 54]. «Качественные понятия» – это понятия содержательного мышления, выраженные на естественном языке. Их разграничение с близкими, «соседствующими» «качественными понятиями» трудно провести, что подтверждают слова Лапшина: «...переход красного в оранжевый для меня неуловим» [Там же. С. 57]. При этом он отмечает целостность, присущую «качественным понятиям», обусловленную наличествующим в них синтезом отождествления и различения. «Качественные понятия», отмечал Лапшин, нельзя характеризовать количественными показателями, они расплывчаты и объемно неопределенны, а потому количественный подход неприемлем для естественного языка. Примечательно, что Лапшин, связывая категории качества с чувственными данными, полагал, что они не могут быть признаны отражением действительного мира. «Иллюстрация в интуиции качественных понятий на конкретных представлениях гораздо менее совершенна по самой *расплывчатости* качественных понятий, чем иллюстрация математических понятий в интуициях» [Там же. С. 250]. Указанные понятия наделены расплывчатым объемом, они сохраняют нюансы значений. Именно эти показатели мы находим в отношении понятия «тип», выступающим модусом целостности и используемом в таких научных дисциплинах, как археология, лингвистика, биология. Вариатив-

ность признаков, которыми наделено указанное понятие, позволило характеризовать его как «плавающее», «переходное». Вот как о понятии «тип» пишет историк А.С. Лаппо-Данилевский: «...понятие типа, значит, есть понятие растяжимое и объем типа может быть разным» [8. С. 129]. Сказанное позволяет характеризовать понятие «тип» как «качественное понятие».

На наш взгляд, теоретические положения, высказанные Лапшиным в начале XX в., явились истоком идей нечеткой логики и лингвистических переменных, которые мы встречаем в исследованиях Л.А. Заде. Указанные идеи появляются в конце шестидесятых годов XX в. Заде указывал, что для принятия решений в условиях неопределенности большую роль играет язык, выделяя значимость естественного языка, т.е. по сути «качественных понятий». В предисловии к русскому изданию книги «Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений» [8], Заде задается вопросом эффективности количественных методов анализа для гуманитарных систем. Как и Лапшин, он отмечает неприемлемость использования количественных показателей для объемно неопределенных понятий и указывает на необходимость разработки «подхода, в корне отличного от общепринятых количественных методов...» [9. С. 5]. В анализе социальных явлений Заде предлагает прибегнуть к лингвистическому подходу «...в соответствии с которым в качестве значений переменных допускаются не только числа, но и слова или предложения естественного, или искусственного языка» [Там же]. Сказанное сопредельно идее Лапшина о «качественных понятиях», понятиях естественного языка, лишенных четкости очертаний, но способных, тем не менее, «улавливать» целостные состояния мира.

Приведенные взгляды привносят новые идеи в традиционные положения логики, отторгая ее неизменный характер. Исследования XX и XXI вв. позволяют указать на эвристические черты новой волны логического знания, связанной с воображаемой логикой, вероятностным мышлением, объемно неопределенными понятиями, проявляющими свою значимость при принятии решений в условиях вариативности. Это служит подтверждением того, что в современном познании изменился не мир, но наши представления о нем. Приведенные взгляды служат также своеобразным ответом на вопрос, всегда ли хорошо стремление к смысловой насыщенности, лишенной второстепенных черт, и могут ли существовать рациональные алгоритмы вне духовных рамок? Мы не должны забывать слова И.-В. Гёте о том, что между двумя противоположными сторонами лежит не истина, а проблема. Пока в смысловом пространстве происходит лишь столкновение противоположностей, вне указания критерия их разрешимости, наличие проблемы неизбежно. Вот почему не могут не вызывать интерес исследования отечественных авторов, одними из первых сделавшими шаг в осмыслении возможностей объединения противоположностей и усмотрения целостности бытия.

Укажем еще на одну проблему, которая оказалась затронутой в приведенных исследованиях. Это про-

блема, с одной стороны, возможности онтологической интерпретации логики, а с другой – рассмотрения ее исключительно сводом правил оперирования с языковыми знаками. Нельзя не согласиться с правомочностью позиций приведенных авторов, отмечавших зависимость языка и логических построений от описываемой реальности, что явлено, прежде всего, в приложении к социальному бытию. Эту позицию мы находим и в логических исследованиях Н.А. Васильева, апеллировавшего к «частному» виду сознания в интерпретации положений логики, и в буддистской логической культуре, покоящейся на специфической ментальности, отторгающей раскалывание мира на оппозиции, и в исследованиях Л. Заде, отмечавшего правомочность «гибкости» языковых форм в приложении к повседневности. Представленный материал служит подтверждением возможности онтологической интерпретации логики.

ва, апеллировавшего к «частному» виду сознания в интерпретации положений логики, и в буддистской логической культуре, покоящейся на специфической ментальности, отторгающей раскалывание мира на оппозиции, и в исследованиях Л. Заде, отмечавшего правомочность «гибкости» языковых форм в приложении к повседневности. Представленный материал служит подтверждением возможности онтологической интерпретации логики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов В.Г. Логика гуманитарного познания // Философские искания. Московско-Петербургский сборник. М. : МГУ, 2011. С. 133–174.
2. Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М. : Наука, 1989. 264 с.
3. Тард Г. Социальная логика. СПб. : Соц.-психол. центр, 1996. 548 с.
4. Stcherbatsky Th. *Buddhist Logic*. Leningrad, 1930–1932. Vol. 1, 2.
5. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2, ч. 2: Исследования по феноменологии и теории познания. Исследования об интенциональных переживаниях и их содержаниях // Проблемы онтологии в современной буржуазной философии. Рига, 1988. С. 282–297.
6. Щербатской Ф.И. «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов». СПб. : Аста-Пресс LTD, 1995. Ч. II. 272 с.
7. Лапшин И.И. Законы мышления и формы познания. СПб., 1906. 448 с.
8. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М. : Территория будущего, 2006. 621 с.
9. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М. : Мир, 1976. 165 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 сентября 2018 г.

THE PARADIGM OF WHOLENESS IN THE INTERPRETATION OF NON-CLASSICAL LOGIC

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 437, 73–76.

DOI: 10.17223/15617793/437/10

Nadezhda K. Matrosova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: matrosovank@mail.ru

Keywords: wholeness; imaginary logic; “quality concept”; culture of East; contradiction; ontology.

The article analyzes the research of Russian authors associated with the new approach to the provisions of traditional logic. It is stated that forms of the provisions of logic depends on their application; “pure” thinking and the material world of objects may be based on fundamentally different logical orientations. This was proved by the views of N.A. Vasiliev, the creator of the so-called imaginary logic, as well as by the ideas of F.I. Shcherbatskiy, who noticed that logical teachings of the East were deprived of ravaging contradictions. A conclusion about the proximity of the provisions of the Buddhist logic and the ideas developed in Vasiliev’s indifferent logic is made. Both Vasiliev’s imaginary logic and logical teachings of the East deny the immutability of the traditional European logic and, above all, the law of non-contradiction that rejects the perception of the world as a wholeness. European rationalism, as researchers indicate, is not the only option for the understanding of being. The wholeness of the perception of the world, which rejects binary thinking, is possible, according to Vasiliev and the adherents of the logical culture of the East, in our minds, in the sphere of “pure” thought. I.I. Lapshin’s ideas are noted, associated with the so-called quality concepts that have vague volumes and nuances of meanings. These provisions are close to studies of a typological research focus that connects the natural reality and the so-called taxonomic reality and aims to express complete, holistic states of the natural and social worlds. Zadeh’s studies continued Lapshin’s ideas. Zadeh’s teaching on fuzzy sets and linguistic variables is the basis of our judgments about entities that do not have clear boundaries. This is present in our judgments about the world and is represented in studies of a typological research focus, characterized as a “middle way” in the analysis of the phenomena of the world, which is consistent with Shcherbatskiy’s methodological position of a “third” truth, the truth of harmony and completeness. Zadeh’s studies note the importance of uncertainty that can, nonetheless, grasp the wholeness of being and reject sharp oppositions. The fact of crossing and synthesis of logical approaches to the paradigm of wholeness is a proof of their cognitive validity. The analysis touches upon the question of an ontological interpretation of logic.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V.G. (2011) Logika gumanitarnogo poznaniya [The logic of humanitarian knowledge]. In: Mironov, V.V. (ed.) *Filosofskie iskaniya. Moskovsko-Peterburgskiy sbornik* [Philosophical quest. Moscow-Petersburg collection]. Moscow: Moscow State University.
2. Vasil'ev, N.A. (1989) *Voobrazhaemaya logika. Izbrannye trudy* [Imaginary logic. Selected Works]. Moscow: Nauka.
3. Tarde, G. (1996) *Sotsial'naya logika* [Social logic]. Translated from French by M. Tseytlin. St. Petersburg: Sots.-psikhol. tsentr.
4. Stcherbatsky, Th. (1930–1932) *Buddhist Logic*. Leningrad: USSR AS.
5. Husserl, E. (1988) Logicheskie issledovaniya [Logical Investigations]. Vol. 2. Pt. 2. Translated from German. In: Kuz'mina, T.A. et al. (eds) *Problemy ontologii v sovremennoy burzhuaznoy filosofii* [Problems of ontology in modern bourgeois philosophy]. Riga: Zinatne.
6. Shcherbatskiy, F.I. (1995) *Teoriya poznaniya i logika po ucheniyu pozdneyshikh buddistov* [Theory of knowledge and logic according to the teachings of latest Buddhists]. Pt. 2. St. Petersburg: Asta-Press LTD.
7. Lapshin, I.I. (1906) *Zakony myshleniya i formy poznaniya* [The laws of thinking and forms of knowledge]. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°.
8. Lappo-Danilevskiy, A.S. (2006) *Metodologiya istorii* [Methodology of History]. Moscow: Territoriya budushchego.
9. Zadeh, L.A. (1976) *Ponyatie lingvisticheskoy peremennoy i ego primenenie k prinyatiyu priblizhennykh resheniy* [The concept of a linguistic variable and its application to making approximate decisions]. Moscow: Mir.

Received: 05 September 201